

УДК 94(746.211)

К вопросу о происхождении центров кустарных промыслов (на примере Балахнинского кружевоплетения)

М. В. Карташова

Карташова Мария Вячеславовна, кандидат исторических наук, директор МБУК «Балахнинский музейный историко-художественный комплекс», Балахна Нижегородская обл., kmiw@mail.ru

В Российской империи с XVIII в. шел процесс формирования центров кустарных промыслов. В отечественной историографии отсутствует точное понимание проблем, связанных с вопросами возникновения кустарных промыслов и их центров. На примере одного из крупных центров кружевоплетения – города Балахны Нижегородской губернии – в статье рассматриваются версии о его появлении и развитии. Проведенный анализ впервые вводимых в научный оборот архивных источников позволяет выдвинуть «усадебную» версию возникновения кружевного промысла в Балахне и уезде как наиболее предпочтительную. Следовательно, не все промыслы имели местное происхождение. Особо трудоемкие и высокохудожественные промыслы, такие как плетение кружев на коклюшках, находились под западно-европейским влиянием и их возникновение и развитие стимулировали высшие слои общества – купечество и дворянство.

Ключевые слова: Российская империя, Нижегородская губерния, город Балахна, кустарные промыслы, кустарь, кружевной промысел, Шереметевы

Поступила в редакцию: 10.12.2019 / Принята: 20.02.2020 / Опубликована: 30.06.2020

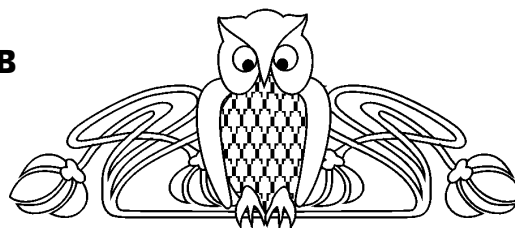
Статья опубликована на условиях лицензии Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

To the Question of the Origin of Handicraft Centers (on the Example of the Balakhninsk lacemaking)

M. V. Kartashova

Maria V. Kartashova, <https://orcid.org/0000-0001-8878-9808>, MBUK "Balakhna Museum of History and Art Complex", 44 K. Marx St., Balakhna, Nizhny Novgorod Region 606400, Russia, kmiw@mail.ru

In the Russian Empire from the XVIII century there was a process of formation of centers of handicrafts. Russian historiography lacks an accurate understanding of the problems associated with the emergence of artisanal crafts and their centers. On the example of one of the major lace-making centers – the city of Balakhna of the Nizhny Novgorod province – the article discusses versions of its appearance and development. The analysis of the archival sources introduced for the first time into scientific circulation allows us to put forward the "manor" version of the occurrence of lace crafts in Balakhna and the county as the most preferred. Consequently, not all crafts were of local origin. The most laborious and highly artistic crafts, such as weaving lace on bobbins, had Western European influence and received an impetus for the emergence and development of the upper strata of society: merchants and the nobility.

Keywords: Russian Empire, Nizhny Novgorod province, the city of Balakhna, handicrafts, handicraftman, lace industry, Sheremetevs

Received: 10.12.2019 / Accepted: 20.02.2020 / Published: 30.06.2020

This is an open access article distributed under the terms of Creative Commons Attribution License (CC-BY 4.0)

DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-245-251>

Вопрос о происхождении кустарных промыслов, получивших широкое распространение в Российской империи во второй половине XIX – начале XX в., интересовал многих исследователей: историков, публицистов и экономистов. В историографии имеется целый пласт работ, начиная со статей народников конца XIX в. до современных исследователей. Самой распространенной признана теория о трансформации домашней крестьянской промышленности в кустарные промыслы. Так возникло большинство деревообрабатывающих промыслов: ложкарный, веретенный, бондарный; промыслы по обработке волокна, кож, ткачество. Мастерство крестьян, которые изготавливали изделия для собственного обихода, совершенствовалось, товары становились качественнее и со временем крестьянин получал возможность обменивать, а затем и продавать их в своей деревне, в соседнем селе на ярмарке, а потом возить на дальние рынки. Развитие товарно-денежных отношений и углубление специализации внутри волости, уезда и даже губернии повлекло за собой формирование уже в XVIII в. центров крестьянских производств. Под «центром» промысла в литературе понимается селение «со значительным числом промышленников»¹. Иных критериев для определения этого понятия пока нет. Во времена крепостного права многие крестьяне, особенно центрально-черноземного района России, «сидели» на оброке, то есть были вынуждены платить землевладельцу денежный оброк, а деньги нужно было где-то брать. Самым лучшим вариантом для получения денег стало для них производство товаров для продажи, тем более что этому способствовали свободные от сельскохозяйственных работ зимние месяцы.

Разрушая идею о натуральном крестьянском хозяйстве в первой половине XIX в. Л. М. Рянский, основываясь на этнографическом исследовании государственных крестьян Курской губернии А. С. Машкина (1816–1904), приводил затраты крестьянского двора. В списке покупных товаров оказались: соль, деготь, плотницкие инструменты,

серпы, косы, телеги, сани, сохи, бороны, сапоги, шапки, кадки, ступы, одежда, пошитая из собственной ткани².

Однако были и такие промыслы, которые не могли появиться сами собой в крестьянской среде, потому что требовали особых инструментов и материалов. К таковым можно отнести некоторые высокохудожественные металлообрабатывающие промыслы и кружевоплетение, те, которые впоследствии, уже в советское время, получили статус народных художественных промыслов. Обратимся к кустарному кружевному промыслу и попытаемся выяснить историю его возникновения в России.

Наиболее известные в мире центры плетения нитяных кружев находились в Италии: Милан, Венеция, Генуя; в Бельгии: Брюгге, Брюссель (Фландрия, Брабант); во Франции: Алансон, Аржантон, Реймс. Славилась своими кружевами Испания, Англия, Мальта. Известно, что после смерти английской королевы Елизаветы I (1533–1603 гг.) осталось 3 тыс. платьев, украшенных кружевами, и бесчисленное множество мелких предметов туалета³. В 1855 г. производством кружева в Европе как машинного, так и ручного, было занято 1,250 млн женщин и детей и это число постоянно увеличивалось. История же нитяного кружева в России, по мнению большинства исследователей, восходит к началу XVIII в., то есть ко временам Петра I, который привез из Европы новые продукты, новую моду, новые обычаи и правила.

В нашей статье речь пойдет о балахнинском кружеве. Этот промысел зародился в небольшом волжском городе, некогда бывшем крупным центром солеваренного производства. Кружева, вылетаемые балахонками, как некогда называли жительниц Балахны, уже в XIX в. стали источником существования для целых семей. Удачное местоположение города вблизи Нижегородской ярмарки давало возможность не только сбывать вылетаемый товар, но и покупать сколки (рисунки кружев), шелковые нитки и булавки. В те времена Балахна превратилась в небольшой уездный городок с несколькими маломощными заводиками: солеваренными, кирпичными, гончарными. Народ жил бедно. Каждая копейка была на счету, и женщины были вынуждены плести кружева.

Исследовательница кружевного промысла М. К. Горбунова еще в 1880 г. писала: «Хорошие же кружева, где каждый конец или каждая вещь составляет сама по себе в некотором смысле *chefd'oeuvre* (шедевр), как по рисунку, так и по исполнению – такие кружева требуют большой подготовки, могут изготавливаться только при условии существования предпринимателя с большим капиталом, требуют, чтоб работница совершенно оставила все домашние работы, так как от них руки грубеют; они составляют в добавок, исключительно предмет роскоши, доступной немногим»⁴.

История появления кружевоплетения в том или ином российском городе или селе до сих пор не изучена в силу отсутствия старинных кружевных образцов, сколков и архивных данных, так как кружевное дело мало кого интересовало, хотя этот промысел был одним из самых распространенных среди женского населения Российской империи. По подсчетам одной из основательниц Мариинской практической школы кружевниц в Санкт-Петербурге С. А. Давыдовой, в конце XIX в. в 10 губерниях России кружевом занимались 32 514 женщин⁵. По данным статистика начала XX в. А. А. Рыбникова, на рубеже XIX–XX вв. плетением кружев в империи занимались 558 900 чел.⁶ Советская исследовательница русского кружева В. А. Фалеева определяла эту цифру в более чем сто тысяч мастериц сорока одного уезда в семнадцати губерниях империи⁷.

В 1880–1883 гг. в литературе о кустарных промыслах выделялось 19 центров кружевоплетения (городов и уездов) из 11 губерний с общим числом кружевниц до 33 тыс. чел. и объемом вылетаемого кружевного товара на сумму до 2 млн руб. в год и среди них назван город Балахна Нижегородской губернии⁸. Балахна как центр кружевоплетения была хорошо известна Кустарному комитету Главного управления землеустройства и земледелия, который занимался реализацией правительственной программы по развитию кустарных промыслов, о чем свидетельствует ее упоминание в «Смете доходов и расходов отдела сельской экономии и сельскохозяйственной статистики на 1911 г.», представленной на рассмотрение в Государственную думу⁹. Балахнинское кружево обратило на себя внимание исследователей еще в XIX в. Известный нижегородский писатель П. И. Мельников-Печерский в своей статье «Балахна», опубликованной в неофициальной части «Нижегородских губернских ведомостей» в 1849–1850 гг. и вышедшей также отдельным изданием, писал, что в городе производят шелковые блонды и кружева. Этим промыслом «занимаются многие женщины из мещанского сословия. Блонды делают очень хорошо, но большей частью по заказам; случается, что иногда за одну вещь берут по 100 и более руб. сереб. Заказывают более для Нижнего Новгорода; но довольно значительное количество блонды и кружева продается на нижегородской ярмарке»¹⁰.

В известной повести М. Горького «Детство», опубликованной в 1913 г., писатель нарисовал яркий образ своей бабушки, балахнинской кружевницы Акулины (Акилины) Ивановны Кашириной (1813–1887), дочери нижегородского мещанина Ивана Яковлевича Муратова. Плести кружева научила ее мать, «знатная кружевница». Судьба матери Акулины была тяжелой. М. Горький пишет, что «в девушках ее барин напугал». Она выкинулась ночью из окна и «перебила» себе бок, отчего у неё «отсохла» правая рука. Такая увечная стала она барину не нужна, и

дал он ей «вольную». Стала она скитаться «по миру»¹¹. Этот отрывок интересен рядом фактов. Кружева мать Акулины научилась плести еще в юности, будучи крепостной. По времени это конец 1790 – начало 1800-х гг. Отсюда следует, что в имении у помещика была мастерская, где девушки плели кружева. К большому сожалению, М. Горький не назвал фамилии помещика, то есть мастерская могла быть как в самой Балахне, так и в селе Кубенцеве. Когда Акулине исполнилось 10 лет, они «осели» в Балахне и мать посадила ее за кружево. Дед писателя – Василий Васильевич Каширин – родился в Балахне 16 января 1807 г. и был крещен в Покровской церкви бывшего мужского монастыря. В окружении Кашириных практически все женщины были кружевницами. Мать Василия – Ульяна Максимовна – торговала в Нижнем Новгороде кружевом и вышивкой¹². Василий и Акулина обвенчались 18 января 1831 г. в Спасо-Преображенской церкви и поселились в Балахне на Никитской улице. М. Горький так писал о кружевнице: «Связала все вокруг меня в непрерывную нить, сплела все в разноцветное кружево»¹³.

Балахнинский кружевной промысел упоминался и в ведущих статистических сборниках империи¹⁴. В 1874 г. при Министерстве финансов была создана комиссия по исследованию кустарных промыслов в России, которая издала 16 томов своих трудов. В опубликованной в 9-м выпуске за 1883 г. статье И. Ягодинского о кружевном промысле г. Балахны¹⁵ впервые было дано довольно подробное описание развития балахнинского кружевного дела. Численность кружевниц автор определил в 1970 чел. Однако во всех исследованиях говорилось, что промысел возник давно, более 100 лет назад.

Обзор состояния балахнинского кружевного производства провел известный исследователь кустарных промыслов Нижегородской губернии М. А. Плотников. В первую очередь он обратился к статистике промысла. По его мнению, в начале 1890-х гг. плетением занимались почти 2 тыс. женщин в Балахне и 225 чел. в Кубенцевской, Городецкой, Катунской, Николо-Погостинской и Козинской волостях Балахнинского уезда¹⁶. Эти сведения были взяты автором из материалов переписи, произведенной в ходе подготовки «Материалов к оценке земель Нижегородской губернии». Однако эти сведения вряд ли достоверны. В реальности кружевниц по волостям было гораздо больше.

В вышедшей в конце 1930-х гг. книге Д. В. Прокопьева «Художественные промысла Горьковской области» один параграф посвящен балахнинским кружевницам. «Балахнинское кружево ушло из жизни», – с горечью отметил автор и, к счастью, оказался неправ. Нисколько не сомневаясь, он полагает, что в XVII в. кружевной промысел в Балахне уже был, о чем свидетельствуют «узоры местных старинных полотенец,

где изображены павы и олени, огромные цветы и пышные деревья»¹⁷. Следует отметить, что такое подтверждение факта существования кружевоплетения в XVII в. в Балахне достаточно зыбкое, но не лишено смысла.

Балахна как крупный центр кружевоплетения Центральной полосы империи упоминается в труде Я. Е. Водарского и Э. Г. Истоминой, в которой говорилось, что техника кружева «на балахнинский манер» была очень трудоемкой и требовала большого мастерства. Для изготовления узоров мастерица использовала сразу до двухсот пар коклюшек¹⁸.

Единственной работой, полностью посвященной изучению балахнинского кружевного промысла, является книга главного хранителя фондов музея Нижегородского государственного университета им. Н. И. Лобачевского Л. В. Ведерниковой¹⁹. Самые ранние свидетельства о его существовании автор относит лишь к пореформенной эпохе и при этом отмечает, что в Балахне в 1862 г. «насчитывалось до четырехсот кружевниц»²⁰.

Неоднократно в своих статьях обращается к балахнинскому кружеву кандидат искусствоведения М. А. Сорокина, ведущий научный сотрудник Государственного Русского музея. По ее мнению, бренд современной Балахны – это трудоемкое, сложное в исполнении многопарное кружево. Оригинальные мотивы балахнинских косынок, их разнообразные решетки не имеют аналогов в кружеве других центров. Автор обращает внимание и на самую редкую в коклюшечном кружеве местную решетку, получившую название «клюновой», так называемые «балахнинские клюони», имевшие плотную звездчатую решетку из насновок («семечек»). «Клюони» как разновидность гипюра развивались в России под влиянием французского кружева и воспроизводили старинные узоры²¹.

Недостаточно обоснованным представляется заключение Б. Л. Шапиро о появлении кружева в России: «В России искусство плетения кружева появилось в 1724 году, когда Петр I выписал несколько “брабантских сирот, выученных в монастырях” для обучения насельниц Хотьковского девичьего монастыря прядильному делу, золотному шитью и плетению кружев»²². Речь, видимо, идет о нитяном кружеве, на чем автор не сделал акцент.

Таким образом, обзор немногочисленной литературы, где поднимаются вопросы, связанные с историей возникновения кружевного промысла в Балахне, показывает, что данная проблема не достаточно изучена. Введение в научный оборот новых источников позволяет автору выдвинуть несколько версий появления кружевоплетения в городе. В литературе эти версии не рассматривались.

Первая версия – московская. Балахна с XVI в. была тесно связана со столицей. Четко прослеживаются родственные, экономические и культурные связи. В XVII в. в Балахне работали

и жили мастера Оружейной палаты Московского Кремля: кирпичники и иконописцы. В документах Оружейной палаты Московского Кремля говорится о работах мастеров-кружевников, например, Кондратия Петрова²³. Упоминаются и кружева: браное кованое серебряное изолотное; плетеное серебряное кружево²⁴. Заслуживает внимания тот факт, что одним из первых открыл «шёлковую, лентную и позументную фабрику на свои собственные деньги и своими мастеровыми людьми, своим старанием прежде других фабрик» в Москве на Сретенке, на другой стороне улицы от Сретенского монастыря в 1714 г.²⁵ Алексей Яковлевич Милютин (1673–1755). Впоследствии фабрика называлась «шелковой». А. Я. Милютин происходил из семьи балахнинского посадского человека, придворного поставщика рыбы Якова Деметьевича Милютина. Алексей упоминается в писцовой книге г. Балахны 1674–1676 гг. двухлетним ребенком. Он служил комнатным истопником при царе Иване Алексеевиче, с 1690 г. – придворным комнатным истопником при царях Иване Алексеевиче и Петре I. Для технического руководства фабрикант нанял лучших мастеров по обработке шелка-сырца и по художественному ткачеству и прикрепил к ним более 20 учеников. Для скручивания шелковых нитей использовался труд женщин. К 1718 г. на фабрике насчитывалось 34 стана – на десяти ткали позументы, на остальных – атлас, тафту и платки. Следовательно, по первой версии, плетением кружев в Балахне могли заниматься уже с первой половины XVIII в.

Вторая версия – «петровская». В Балахне с петровских времен стало активно развиваться судостроение. Известно, что по указу императора Петра Алексеевича в Балахне строились струги для Азовских походов. В начале XVIII в. здесь стали строить марсельные шкоуты, грузовые суда для Волги и Каспийского моря. В 1720 г. Петр I послал в г. Балахну и на речку Керженец корабельного подмастерья Сурмина. Ему было приказано выстроить там образцовый элинг и суда – романовку и эверс, «с тем, чтобы все судохозяева, для хода по реке Волге вниз до Астрахани и по Каспийскому морю, строили свои суда по тем образцам»²⁶. Петр I отправил в Балахну «для введения правильного судостроения и вооружения судов» так же адмиралтейских мастеров: судового, блокового, мачтового, боцмана и 15 матросов, а для надзора за общим ходом работ по судостроению повелел выбрать в Сенате «доброе человека немца, по крайней мере не ниже майора». Кроме них были отправлены туда ученики эверсного дела Кирилл Бутенев и Елисей Булгаков. Им наказано было учить балахонцев судостроению²⁷. Вероятно, что в Балахну прибыли иноземные мастера-судостроители и привезли с собой жен, которые умели плести кружева. Те, в свою очередь, научили балахонок этому трудоемкому мастерству. Однако подтвердить эту версию документами пока не представляется возможным.

О вкладе Петра I в распространение кружевоплетения в России свидетельствует и тот факт, что в 1724 г. император своим указом предписал «ввести мастерства в женских монастырях»: «Монахиням принимать сирот без призрения после родителей оставших, и обучить их грамоте, также следующих мастерств: пряжи, шитья, плетенья кружев, для чего надлежит выписать из Брабандии сирот, которые выучены в монастырях»²⁸.

Третья версия – «усадебная». Вокруг Балахны в XVIII в. существовали дворянские поместья. Самыми крупными и, главное, территориально близко расположенными от города, были село Кубенцево с деревнями – владения дворянской линии Шереметевых и село Николо-Погост, с 1797 г. ставшее вотчиной полководца и дипломата, фельдмаршала Н. В. Репнина, а после его смерти по дарственной перешедшее к роду Волконских. В 1809 г. Николо-Погост стал владением будущего декабриста Сергея Григорьевича Волконского.

Обратимся к Кубенцево. Это село отделялось от г. Балахны лишь речкой Железницей, через которую был переброшен мост. По нему шла главная дорога – Костромской тракт, поэтому Кубенцево уже, видимо, в XVIII в. становится крупным торгово-промышленным селом. В XVIII в. владельцами села Кубенцева с деревнями были последовательно представители дворянской линии Шереметевых: Василий Петрович (1659–1733), младший брат фельдмаршала, графа Бориса Петровича; Сергей Васильевич (ум. 1773), его супруга Наталья Яковлевна, урожденная княжна Голицына (1731–1792); Марфа Васильевна Балк (дата владения, зафиксированная в документе – 1782 г.²⁹); Елена Сергеевна Шереметева, сестра Василия Сергеевича (1752–1831), сам Василий Сергеевич, его супруга Татьяна Ивановна, урожденная Марченко (1770–1830). М. В. Балк принадлежали: село Кубенцево; деревни Курза, Вонята, Коробенниково, Могильцы Малые, Могильцы, Посниково, Бобриха, Кочергино, Беловская, Ляпуниха, Липовица, то есть практически все населенные пункты, в которых был развит кружевной промысел (по данным переписи 1917 г.).

В фонде Шереметевых сохранились письма сестры Василия Сергеевича Шереметева, Елены Сергеевны управляющему в Кубенцево. Е. С. Шереметева замуж не выходила и впоследствии ушла в монастырь³⁰, как писали в документах «девица»³¹. Видимо, и она имела отношение к управлению селом. Шереметевы являлись одними из крупнейших помещиков Нижегородской губернии. Семья была очень состоятельной. Кроме Кубенцева, им принадлежало село Богородское Горбатовского уезда с многими деревнями, знаменитое уже в XVIII в. своим кожевенным промыслом. В XVII–XIX вв. представители и графской, и нижегородской ветвей рода Шереметевых успешно насаждали и развивали промыслы в своих владельческих селах (Павлово, Богородское, Юрино). В докладе Московскому губернскому

земству «О русских художественных промыслах» граф П. С. Шереметев приводит материалы родового архива графов Шереметевых, хранящегося в те годы в Фонтанном доме, свидетельствующие о том, что помещики в XVIII в. насаждали промыслы среди своих крестьян. Примером тому может служить деятельность графа Петра Борисовича Шереметева, сына фельдмаршала. Уже в середине XVIII в. крупными промысловыми центрами являлись села Павлово и Ворсма Горбатовского уезда Нижегородской губернии, где изготавливали ножи, клинки, замки (сталеслесарный промысел) и село Иваново-Вознесенск Владимирской губернии (ткацкий и набоечный промыслы)³². С целью развития промыслов Шереметевы прибегали и к переселению крестьян из одного своего владения в другое. Это практиковал Василий Сергеевич Шереметев (нижегородская ветвь). В конце XVIII в. из села Богородского Нижегородской губернии им были переселены кожевники в одноименное село Казанской губернии, а в 1828–1830 гг. на новое место жительства вынуждены были перебраться 204 семьи (около 1138 человек) из того же села Богородского в недавно приобретенное им село Юрино, чтобы снабдить рабочей силой суконную мануфактуру и стекольный завод. Так, богородчане привезли кожевенное дело и в Юрино³³, которое вскоре стало крупным центром рукавичного промысла.

Шереметевы не обошли своим вниманием и женские промыслы. В конце XVIII в. владелица села Уборы Звенигородского уезда Московской губернии Анна Семеновна Шереметева устроила женскую вышивальную мастерскую. Причем изделия, выполненные крестьянками, шли на продажу. Так, Анна Семеновна в 1791 г. писала из Убор своей подруге А. А. Паниной: «Пожалуй, постарайся матушка запродать мои платья, а цена, какую ты хочешь, и что будут давать, а мне ты на эти деньги купишь кружева нитяного»³⁴.

В пользу «шереметевской» версии происхождения балахнинского кружевного промысла свидетельствуют и материалы С. А. Давыдовой, которая пишет, что «близ Балахны у помещиков в усадьбах много выплеталось кружев. Здесь изготавливали и белое, вроде Malines, и гипюра и черное, вроде Chantilly». Свои слова автор иллюстрирует имеющимися в ее распоряжении кружевами. Особого внимания заслуживают фрагменты кружев, о которых она пишет: «Из прежних же сцепных кружев выработался особый тип, представляющий тюлевую решетку с густыми цветами, которому мастерицы дали название “русского кружева”»³⁵. Две косынки с именно таким рисунком хранятся в фондах Балахнинского музейного комплекса. Кружево полностью идентично, только решетку С. А. Давыдова называет неправильно. Это не тюлевая, а московская решетка. Второй тип кружева по Давыдовой, выполнявшийся «в роде «гипюра» и «клони», получил название «Балахонского манера». Рисунки в кружевах из коллекции

Балахнинского музея встречаются довольно часто. Следующий фрагмент кружев, как пишет автор, был выплетен во времена Екатерины II купчихой Золотовой – бывшей крестьянкой нижегородского имени графа Шереметева³⁶.

Четвертая версия – купеческая. В XVIII в. в Балахне жили купцы, имевшие промышленные предприятия как в самом городе, так и в других местностях. Такими крупными промышленниками были, прежде всего, Осокины и Латухины. Мелкие мастерские, которые работали при купеческих дворах, иногда перерастали в промышленные предприятия. Так, в 1780-е гг. при доме Ивана Латухина действовала небольшая полотняная фабрика, на которой «вырабатываются наемными людьми фламского полотна, ревендуку и каламенку, всего до тысячи двухсот полукусков, и оное для продажи отпускает в Санкт-Петербург»³⁷. Возможно, мастерская кружев могла быть открыта при купеческом дворе.

Таким образом, мы имеем, как минимум, четыре версии о возникновении кружевного промысла в Балахне и уезде. Наиболее предпочтительными на данное время представляются «петровская» и «усадебная» версии. Для их верификации следует обратиться к письменным источникам.

Самое раннее выявленное документальное свидетельство о существовании в Балахне кружевного промысла содержится в автобиографии нумизмата Виктора Константиновича Савельева (1 апреля 1810 г. – 27 марта 1882 г.). Автор родился в г. Горбатове, но «помнить себя начал в с. Балахне, куда отец переведен был на службу» учителем рисования в уездное училище. Жила семья Савельевых сначала в приходе Спасской церкви, а затем перешла на квартиру к купцу Преснякову. Дом их располагался на улице крайней к полю, которая вела в Кубенцево. Весьма интересны воспоминания В. К. Савельева о вечерних посиделках в их доме: «Помню, как у нас собирались девушки для развлечения ее (матери мальчика. – М. К.). Пели песни, под которые мы засыпали. Пряли из льна самые тонкие нитки, а некоторые плели кружева по рисункам на бумагах коклюшками»³⁸. Воспоминания можно датировать 1814–1816 гг. Следовательно, уже во втором десятилетии XIX в. кружевным промыслом занималось население Балахны и села Кубенцево.

Ценным источником по истории балахнинского кружевоплетения является коллекция сколков из личного фонда основателя Балахнинского музея Виктора Николаевича Кириллова. Она включает в себя 127 сколков и 6 образцов кружева. Речь идет именно о сколках, а не о технических рисунках, так как на бумаге имеются лишь булабочные наколы, их обводка карандашом, чернилами или краской присутствует не на всех сколках. Сколки датируются периодом со второй половины XVIII в. до 20-х годов XX в. Причем датировка бумаги и самого сколка может разниться

ся. Некоторые сколки выполнены на документах или на фрагментах документов. По их текстам можно определить принадлежность сколка. Так, 2 сколка происходили из семьи крестьян подгорной Покровской слободы Масленниковых. На одном из них фиксируется фрагмент письма от 10 февраля 1881 г.: «В Московскую судебную палату просит Нижегородской губернии Балахнинской подгорной слободы крестьянин Флегонт Алексеев Масленников, живущий в собственном доме в упомянутой слободе...»³⁹. Самым ранним датированным документом, на котором сколото кружево, является кружево-край (скругленный, как для воротника), заполненное двумя сетками, одна из которых простая, с наколом 2,5 мм и, видимо, московской. На бумаге карандашом скопирован текст указа императрицы Елизаветы Петровны от 22 октября 1753 г. Запись плохо сохранена, карандаш сильно выгорел, имеются загрохачивания.

Большинство сколков краев кружев схожи с ростовскими сколками из коллекции Щаповых: № 21, 26, 27, 29, датированных 1803–1870-ми годами⁴⁰. Похожее мерное кружево-край опубликовано в книге В. А. Фалеевой и атрибутировано как «Край (узор “розы”), 1880-е гг. Нижегородская губерния, Балахна»; а также «Воротник (блонды). Деталь. Середина XIX в. Нижегородская губерния, Балахна»⁴¹.

Следовательно, самое раннее письменное извести и самый ранний документ, на котором сколот рисунок кружева, позволяют говорить о том, что кружева плели в Балахне во второй половине XVIII в. В то же время изучение балахнинских сколков, без сомнения, свидетельствует о том, что кружевной промысел являлся привнесенным мастерством, так как в самых ранних рисунках кружев конца XVIII – начала XIX в. отсутствует самобытность. Мелкие наколы сколков явно рассчитаны на тонкие шелковые нити, которые покупались либо в столицах, либо на Макарьевской ярмарке. Уже в середине XIX в. начинается расцвет кружевного промысла в Балахне и близлежащих селениях. Так, в 1848 г., как сообщается в годовом отчете о состоянии Балахны, «главным предметом занятия... женского пола» было «плетение разного рода кружев»⁴², что позволяет говорить о том, что уже в 40-х гг. промысел был настолько развит, что упоминается наряду с самыми прибыльными промыслами балахнинцев: солеварением, судостроением, выделкой кирпича. За 1858 г. уже имеются данные о количестве кружевниц по всему Балахнинскому уезду: 52 – мастерицы и 8 учениц⁴³ – в I-м и во 2-м стане по 30 кружевниц. Здесь же в документе перечислены и населенные пункты, где плели кружева: в селах Катунках, Василевой слободе, Пурехе, Городце, Николо-Погосте и в деревнях Соромовой и др. Как видим, это обширные территории, охватывающие многие приволжские волости Балахнинского уезда. Маловероятно, что указанное количество кружевниц соответствовало действительности. Несомненно, их было гораздо больше.

Таким образом, современное состояние изученности источников позволяет выделить «усадебную» версию возникновения кружевного промысла в Балахне и уезде как наиболее предпочтительную. Местом появления первой кружевной мастерской следует считать село Кубенцево, бывшее во владении дворян Шереметевых. Время возникновения – период правления Елизаветы Петровны (1741–1761). Впоследствии кружевоплетение распространилось в Балахне и по Балахнинскому уезду. Следовательно, центры кустарных промыслов, имеющие высокохудожественную основу и трудоемкость при их производстве, не могли складываться в замкнутой городской или крестьянской среде. Развитие товарно-денежных отношений вынуждало местное население либо дворян, владельцев усадеб изыскивать занятия для своих крестьян с целью получения прибыли в виде денежного оброка. Они заводили мастерские, привозили из-за границы мастеров, инструменты для промыслов, материалы, тем самым не только самообогащаясь, но и способствовали переходу традиционных крестьянских хозяйств к новому жизненному укладу.

Примечания

- ¹ Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Сельские кустарные промыслы Европейской России на рубеже XIX–XX столетий. М.: РОССПЭН, 2004. С. 9.
- ² См.: Рянский Л. М. Расходы и доходы помещичьих крестьян Курской губернии в середине XIX в. // Ученые записки. Электронный научный журнал Курского государственного университета. 2010. № 2 (14). С. 66–67.
- ³ См.: Воронцов В. П. Кружевная промышленность в Бельгии // Отчеты и исследования по кустарной промышленности в России: в 11 т. Т. IX. СПб., 1911. С. 7.
- ⁴ Горбунова М. К. Кружевной промысел // Промыслы Московской губернии: в 5 вып. Вып. II / сост. И. Боголепов. М., 1880. С. 89.
- ⁵ La Dentellerusse, histoire, technique, statistique, par Mme Sophie Davydoff. Leipzig, 1895. S. 19.
- ⁶ См.: Рыбников А. А. Мелкая промышленность и ее роль в восстановлении народного хозяйства. М.: Кооп. изд-во, 1922. Таблица.
- ⁷ См.: Фалеева В. А. Русское плетеное кружево. Л.: Художник РСФСР, 1983. С. 69.
- ⁸ См.: Русское народное искусство на Второй Всероссийской выставке в Петрограде в 1913 г. / под ред. А. В. Прахова. Пг., 1914. С. 58.
- ⁹ См.: Смета доходов и расходов отдела сельской экономики и с/х статистики на 1911 г. СПб., 1910. С. 73.
- ¹⁰ Мельников-Печерский П. И. Балахна, уездный город Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1850. С. 54.
- ¹¹ Горький М. Детство. В людях. Мои университеты / вст. ст. Д. Гранина; коммент. И. Бочаровой; ил. худож. В. Гальдяева. М.: Худож. лит., 1989. С. 63.
- ¹² См.: Позднин Е. Н. Жизнь и судьба Василия Каширина и внука его Алеши. Н. Новгород: Деком, 2018. С. 24.
- ¹³ Горький М. Указ. соч. С. 22.

- ¹⁴ См.: Мещерский А. А. Свод материалов по кустарной промышленности в России : сост. по поруч. Отд-ния статистики Рус. геогр. о-ва д. членами кн. А. А. Мещерским и К. Н. Модзалевским. СПб., 1874. С. 611–613.
- ¹⁵ См.: Ягодинский И. Кустарные промыслы Балахнинского уезда. Кружевной промысел города Балахны // Труды Комиссии по исследованию кустарной промышленности России : в 16 вып. Вып. 9. СПб., 1883. С. 2482–2487.
- ¹⁶ См.: Плотников М. А. Кустарные промыслы Нижегородской губернии. Н. Новгород, 1894. С. 263.
- ¹⁷ Прокопьев Д. В. Художественные промысла Горьковской области. Горький : ГОИЗ, 1939. С. 181.
- ¹⁸ См.: Водарский Я. Е., Истомина Э. Г. Указ. соч. С. 221.
- ¹⁹ См.: Ведерникова Л. В. Балахнинское кружево. Н. Новгород : Литера, 2008. С. 106.
- ²⁰ См.: Ведерникова Л. В. Традиции балахнинского кружева и перспективы его изучения // Народное искусство : материалы и исслед. : сб. статей : в 4 вып. Вып. 2. СПб. : Государств. Русский музей, 2005. С. 175.
- ²¹ См.: Сорокина М. А. «Балахонский манер» : косынки кружевниц Балахны // Платки и шали в России XVIII–XXI веков из собрания Русского музея / авторы ст. : Н. Ковалева, М. Сорокина, Ю. Шлядинская. СПб. : Palace Editions, 2019. С. 211.
- ²² См.: Шатило Б. Л. История кружева как культурный текст. М. : Новое литературное обозрение, 2018. С. 80.
- ²³ См.: РГАДА. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 4008. Л. 1 ; Д. 4199. Л. 1 ; Д. 4210. Л. 1.
- ²⁴ Там же. Ф. 396. Оп. 1. Ч. 4. Д. 4227. Л. 4.
- ²⁵ См.: Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах : От древних времен до ныне настоящего и всех преимущественных узаконений по оной государя имп. Петра Великого и ныне благополучно царствующей государыни имп. Екатерины Великия, Сочиненное Михайлом Чулковым : в 7 т. СПб., 1786. Т. 6, кн. 3. С. 606.
- ²⁶ О купеческом судостроении в России, речном и прибрежном [1] : Описание судов, плавающих по морям Белому и Каспийскому и рекам Волге и Двине и их притокам / [Корпуса корабельных инженеров штабс-капитана П. Богославского]. СПб., 1859. С. 84.
- ²⁷ Там же. С. 84–85.
- ²⁸ Смирнов С. К. Покровский Хотьков девичий монастырь : [Исторический очерк]. М. : тип. В. Готье, 1854. С. 31.
- ²⁹ См.: Центральный архив Нижегородской области (далее – ЦАНО). Ф. 60. Оп. 239 А. Д. 25.
- ³⁰ См.: Шереметев В. С. Василий Сергеевич Шереметев. 1752–1831. СПб., 1910. С. 8.
- ³¹ ЦАНО. Ф. 2. Оп. 6. Д. 42. Л. 104–106.
- ³² См.: Шереметев П. С. О русских художественных промыслах. Доклад члена кустарного совета Московского губернского земства графа П. С. Шереметева. М., 1913. С. 32.
- ³³ См.: Архангельский С. И. Очерки по истории промышленного пролетариата Нижнего Новгорода и Нижегородской области XVII–XIX вв. Горький : Горьк. обл. гос. изд-во, 1950. С. 104.
- ³⁴ Шереметев П. С. Указ. соч. С. 36.
- ³⁵ Давыдова С. А. Русское кружево и русские кружевницы. СПб., 1892. С. 126.
- ³⁶ Там же. С. 20.
- ³⁷ Дневник мещан города Балахны Нижегородской губернии Василия Ивановича Бармина и Григория Михайловича Еванисова, 1786–1829 гг. (публикация С. В. Сироткина) // Российская генеалогия : научный альманах : в 3 вып. М., 2018. Вып. 3. С. 243–378, 294.
- ³⁸ Савельев В. К. Автобиография. Публикация Ю. Г. Галая // Записки краеведов. Вып. 14 / сост. О. А. Рябов. Н. Новгород, 2013. С. 189.
- ³⁹ ЦАНО. Ф. Р-6033. Оп. 1. Д. 124. Л. 10.
- ⁴⁰ См.: Брюханова Е. В., Щапов Я. Н. Ростовские старинные кружевные сколки из собрания Щаповых. Альбом-каталог. Ростов Великий : [б. и.], 2009. С. 112, 123–128.
- ⁴¹ Фалеева В. А. Указ. соч. С. 188, 190.
- ⁴² ЦАНО. Ф. 344. Оп. 1. Д. 19. Л. 19.
- ⁴³ Там же. Ф. 61. Оп. 216. Д. 32. Л. 25.

Образец для цитирования:

Карташова М. В. К вопросу о происхождении центров кустарных промыслов (на примере Балахнинского кружевоплетения) // Изв. Саратов. ун-та. Нов. сер. Сер. История. Международные отношения. 2020. Т. 20, вып. 2. С. 245–251. DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-245-251>

Cite this article as:

Kartashova M. V. To the Question of the Origin of Handicraft Centers (on the Example of the Balakhninsk lacemaking). *Izv. Saratov Univ. (N. S.), Ser. History. International Relations*, 2020, vol. 20, iss. 2, pp. 245–251 (in Russian). DOI: <https://doi.org/10.18500/1819-4907-2020-20-2-245-251>